
ПОЭТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

С.А. Голубков¹

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

РОССИЙСКИЕ УРОКИ ДВАДЦАТОГО ВЕКА: ИСПЫТАНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ КОММУНАЛЬНОСТЬЮ

В статье идет речь об испытании российского человека в XX веке принудительной коммунальностью. Этот неоднозначный социальный опыт получил отражение в литературе и других сферах российской культуры. Радикальные изменения, связанные с революциями и войнами, привели к трансформации бытовой повседневности. Если раньше распространенная во многих странах организация разнообразных коммун была продуктом осознанных идейных увлечений и совершалась на добровольной основе, то в России в новых исторических условиях погружение в атмосферу тотальной коммунальности становится актом принуждения, государственного насилия. Возникновение коммуналок оборачивалось для человека редуцией приватного, лишало его частную жизнь необходимой непрозрачности. Для государства, исповедовавшего рациональный принцип негуманной социальной инженерии, коммуналка как форма общежития становилась удобной формой идеологического контроля. Нравы обитателей коммунальных квартир, завсегдаев бесконечных магазинных очередей, пассажиров переполненных трамваев получили многомерное и яркое описание в отечественной сатирико-юмористической литературе (М. Зощенко, Е. Замятин, П. Романов, М. Булгаков). В творчестве А. Платонова отразились парадоксы колхозного строительства как принуждения сельских жителей к новым формам коммунальности.

Ключевые слова: коммуна, коммуналка, быт, социальная практика, формы общежития, повседневность, коммуникация, сиротство, редуция приватного, государственное насилие, тирания, скандал.

S. A. GOLUBKOV

*Samara national research University
name of academician S. P. Korolev*

RUSSIAN LESSONS OF THE TWENTIETH CENTURY: TESTING BY COMPULSORY COMMUNALITY

The article deals with the testing of the Russian man by a compulsory communality in the twentieth century. This ambiguous social experience was reflected in literature and other spheres of the Russian culture. Radical changes connected with revolutions and wars, led to day-to-day life transformation. While the organization of various communes that were highly widespread in many countries used to be a product

¹ Сергей Алексеевич Голубков, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

of conscious ideological interests and used to be conducted on voluntary conditions, in Russia, in its turn, in its new historical conditions immersion into the atmosphere of total communality becomes an act of coercion and state violence. The emergence of communal apartments resulted in the reduction of privacy and in the lack of necessary opacity. For the state, confessing the rational principle of inhumane social engineering, communal apartment as a hostel became a convenient form of ideological control. The disposition of the communal apartments inhabitants, regular visitors of the endless shopping queues, passengers of the overcrowded trams was widely and brightly described in the satirical and humorous national literature (M. Zoshchenko, E. Zamyatin, P. Romanov, M. Bulgakov). In A. Platonov's the works, the paradoxes of collective farm construction as coercion of rural residents to new forms of communal services are reflected.

Keywords: commune, communal apartment, life, social practice, forms of hostel, everyday life, communication, orphanhood, reduction of privacy, state violence, tyranny, scandal.

В известной серии «Живая история: повседневная жизнь человечества» вышла новая книга. Автор ее – Алексей Митрофанов, а называется эта работа «Повседневная жизнь советских коммуналок» [Митрофанов, 2019]¹. Исследователь начинает свое повествование с объяснения генезиса феномена «советская коммуналка»: «Причина появления коммуналок очевидна. Очевидно и то, почему они по большей части возникали в Москве. После революции 1917 года жизнь во всей России стала нестерпимой. Безденежье, бескормица, болезни, эпидемии, братоубийства и полнейшее непонимание того, что происходит. В подобных ситуациях многие люди, выброшенные из привычного уклада, тянутся в столицу. Ограничений на перемещение в то время не было. В Москву ехали отовсюду – и здесь оставались, найдя если не счастье, то, во всяком случае, возможность что-то заработать или же украсть. Естественно, всем этим людям следовало где-то жить. Притом жилое помещение должно быть капитальным, теплым – климат в средней полосе далек от средиземноморского. Это, с одной стороны. С другой же стороны, новые власти декларировали всякого рода борьбу с пережитками прошлого. Роскошные (как представлялось хозяевам новой жизни) многокомнатные квартиры с черными лестницами и специальными помещениями для прислуги, безусловно, относились к их числу. Складываем два и два и получаем целый город коммуналок – столицу государства коммуналок» [Митрофанов, 2019, с. 6].

Быт как многослойная и многокомпонентная сфера подвержен исторически обусловленным изменениям, порой радикальным. Понимаем ли мы во всех нюансах и предметных подробностях бытовое окружение, скажем, человека века девятнадцатого? Все ли отечественные романы, пьесы и поэмы, составившие золотой фонд

¹ См. также: [Утехин, 2004].

литературной классики, понятны до последней страницы, до последнего слова, до каждой предметной детали? Признаемся, что порой мы чувствуем себя чужестранцами, вступающими в непривычный мир давнишней русской жизни. Пыль времен коснулась позабытых слов родного языка и скрытых за ними жизненных реалий. Наверное, этим и объясняется непреходящая популярность книги Ю.А. Федосюка «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века» [Федосюк, 2017], рекордно выдержавшей 17 изданий. Это, по сути, популярный справочник, дающий читателю надежные ключи к пестрой мозаике повседневной жизни, отстоящей от нашего времени, по меньшей мере, на 120, а то и на 200 лет.

Век двадцатый, наполненный историческими потрясениями, затронувшими все сферы нашего бытия, в свою очередь обогатил вербальный репертуар нашей речевой коммуникации новыми словами и выражениями. Принудительное подселение стало именоваться «уплотнением». Человек мог рассчитывать не на квартиру, а на так называемую «жилплощадь». Сошлемся на словарь О.П. Ермаковой «Жизнь российского города в лексике 30-40-х годов XX века», который вводит нас в целый круг весьма специфичных для той эпохи слов-маркеров времени – *вселить, подселить, жилец, жилища, управдом, буржуйка, примус, керогаз*¹ и т.п. [Ермакова, 2011]. Население коммуналок становилось новым типом социума с богатым набором конфликтов, каждодневных препирательств и ссор. Человек проходил настоящее испытание такой принудительно насаждаемой коммунальностью. У этой коммунальности было много ликов: общежитие, коммуналка, казарма, очередь (в учреждении, в магазине), толпа пассажиров, атакующая переполненный трамвай или вагон поезда, товарищеский суд, митингующее людское множество и т.п. Столкновение рядового человека с такими повсеместно возникавшими новыми формами социальной практики кардинально меняло его привычное мироощущение и мироотношение.

Сегодня изучение повседневности оказывается в фокусе внимания авторов самых различных междисциплинарных исследований. С исторической, философской, психологической, филологической точек зрения рассматриваются разнообразные измерения повседневности, ее знаки, ее язык, заключенные в ней вызовы. Коммунальность как совокупность разнообразных форм человеческого общежития располагается в смысловом поле повседневности, потому что это не какие-то кратковременные, исключительные события социальной коммуникации, а практика

¹ Курсив здесь и далее наш. – С.Г.

каждодневная, так сказать, рутинная, когда применим модус «здесь-и-сейчас». Социокультурная значимость исследований повседневности заключается в возможности обнаружить совокупность символических структур, универсальных примет исторической эпохи. Из бытовых подробностей течения жизни конкретного времени, как из отдельных пазлов, складывается целая картина жизни общества.

Бытие человека традиционно определяется пространственной триадой: Дом – Город – Мир. Двадцатый век сильно поколебал эту триаду, нарушил ее относительную устойчивость. Традиционный (многопоколенный) дом как элемент оседлого образа жизни многих прежних сословий стал разрушаться (выселение, раскулачивание, миграции, теснота, организация детских домов по принципу казармы и плохой гостиницы). Человек стал ощущать себя случайным элементом, нетвердо стоящим на временном перепутье, на полустанке, в ситуации наспех обустроенного бивуака. Как пустынное «перекасти-поле», человек утратил уверенность, куда именно отнесет его ветер исторических перемен. Это самоощущение личности сделало актуальной проблему *сиротства* (выделено нами. – С.Г.) в русской литературе XX века. Оно приобрело расширительный и универсальный смысл, ибо это было ощущение тотальной оставленности человека социумом. Мы видим сиротство горьковских, платоновских героев. Ощущает сиротство М. Цветаева. В русской литературе XX века много бездомья и бездомных. Художественный мир А. Грина бездомен. Столь же бездомен и мир Набокова. Гостиница – это псевдомом, временный приют, полустанок. Сквозь гостиницу, где происходит действие романа «Машенька», проходят звуки идущих поездов (они буквально пронизывают здание). Бездомен Веничка («Москва – Петушки» Вен. Ерофеева). Об этой проблеме писала в начале 1990-х Татьяна Горичева [Горичева, 1991].

Об исторически сложившейся в России устойчивой оппозиции *тесноты* и *простора* (выделено нами. – С.Г.) размышлял в одном из своих эссе Михаил Эпштейн: «Но чудо состоит не только в просторе как таковом – а в том, что людям в нем, как ни странно, живется невероятно тесно. Известная советская норма отпуск жилищаного пространства на одного человека – 5 кв. м, которая считается «санитарной», т.е. достаточной для удобства и здоровья. Злопахательство здесь неуместно, ведь такая скромная жилищная норма – вовсе не историческая особенность советского времени, а давняя, из глубин веков, предрасположенность обитателя великой равнины. Так жили в российских деревнях еще в XIX веке – да что там, в эпоху Московской Руси. В однокомнатной избе ютились и спали впритык друг к другу: хозяин, хозяйка, старики, дети, да еще какая-нибудь телка или поросенок. Простор вокруг необъятный: городи себе дом хоть на сорок горниц и материал

дешевый – лес рядом растет. Но упорно жмутся люди поближе друг к другу, словно боясь растеряться в бескрайнем просторе» [Эпштейн, 2005, с. 27]. Обращаясь к стихотворению А.С. Пушкина «Бесы», эссеист пишет об этом метафизическом страхе пустоты: «Бесовство – это игра с человеком самого бес-предельного, бес-приятного, бес-предметного пространства. Все эти бесчисленные отрицания, “бес-ы”, как духи пустоты и тщетности, кружатся по великой равнине» [Эпштейн, 2005, с. 28].

Двадцатый век с его войнами, революциями, социальными изменениями обостряет оппозицию частного и общественного, публичного. Общественное бытие утверждается за счет личного пространства отдельного человека. Социум бесцеремонно вторгается в частную жизнь. Время революционного катаклизма характеризуется резко выраженным креном в сторону коллективистского «мы». А ведь приватное имеет свои многочисленные ценностные смыслы, оно необходимо человеку. У человека нередко возникает насущная потребность в уединении. Уединение – это отнюдь не одиночество, не мучительное сиротство. Если неизбывное одиночество рождает душевную боль, то уединение может привести к исцелению, к сохранению Личностного. И келья монаха была призвана душевно «собрать» его в веру, утвердить на пути духовного преобразования. И мастерская-«келья» художника помогает ему творчески сконцентрироваться, быть в своем эстетическом многомерном Мире. Для носителя «роевого сознания», человека толпы, еще не ставшего самостоятельной Личностью, такая потребность попросту непонятна. И, тем не менее, даже крестьянин, живший в тесной избе в условиях скученности, имел все-таки возможность обрести желанное душевное уединение в поле, в лесу, на речном берегу во время рыбалки и т.п. Плотный населенный город предоставлял меньше таких возможностей. Уединение связано со свободой. Поэтому не любить уединения – значит не любить свободы, так как, по словам А. Шопенгауэра, «человек бывает свободен лишь тогда, когда он один» [Шопенгауэр, 1991, с. 118].

В истории человечества были периоды увлечения коммуной как своеобразной формой общежития. Совместное ведение хозяйственной деятельности, организация общего быта, несомненно, все это упрощало жизнь. Такие коммуны были разными. И, тем не менее, всегда во главу угла ставились общие интересы, общие духовные ценности, общее дело. Это были сплоченные сообщества единомышленников, объединившихся на добровольной основе. Приверженцы религий, староверы, протестанты, толстовцы, анархисты, вегетарианцы, нудисты, феминистки, вдовы, хиппи – самые разные группы людей пытались объединяться в коммуны. Объединялись переселенцы на берега Нового Света, начинавшие освоение пространств Северной Америки.

В Москве приметой 1920-х годов было появление целого ряда общежитий. Исследователь московского быта 1920–1930-х годов Г.В. Андреевский пишет: «Касаясь общежитий, добавим еще, что были они не только рабочие и студенческие. Существовало, например, общежитие писателей. Находилось оно в доме 3 по Покровке, на углу Девяткина переулка. Жили в нем в двадцатые годы Артем Веселый, Михаил Светлов, Юрий Либединский, Марк Колосов, Валерия Герасимова, Николай Кузнецов и другие писатели. Жили писателям бедно. Платили им мало. Скитались они по издательствам и редакциям в надежде пристроить где-нибудь свои сочинения, выпрашивали авансы» [Андреевский, 2003, с. 236–237]. Получили известность общины богемы. О таком кратковременном опыте своеобразной коммуны поэтов есенинского круга повествовал Рюрик Ивнев в своем позднем мемуарном романе «Богема». В 1990-е годы были популярны арт-коммуны (среди них наиболее известна коммуна художников в Берлине «Тахелес» со своим центром для выставок).

В советской истории известны студенческие коммуны. О сугубо экономических причинах этого явления, о естественной потребности элементарно выжить, подтолкнувшей молодых людей к объединению, размышлял А.Ю. Рожков, доктор исторических наук, специалист по социальной истории и истории повседневности, в книге «В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов» [Рожков, 2014].

Советские коммуналки были явлением совсем другого порядка. Они возникали не на идейной основе и не по добровольному выбору и согласию. С одной стороны, они были вынужденной мерой, позволявшей расселить прибывавшие в большие города массы людей. С другой стороны, они были плодом утопических представлений о легкости перехода от прежних индивидуалистических форм жизни к новым коллективистским формам социалистического общежития. Это то сознание, в недрах которого утопические идеи легко дают всходы. Налицо по-детски облегченное представление о сложных реальных процессах, происходящих в действительности. Носитель такого сознания легко впадает в иллюзию достижимости любой цели.

Квартирные «уплотнения», предпринятые в советскую эпоху, знаменовали торжество насилия и абсолютного диктата государства. Коммуналка становилась универсальным инструментом общественного догляда за отдельным человеком. Соседи всегда с полным знанием дела могли засвидетельствовать о том или ином жильце: каким богам он молится, какие идеалы предпочитает, с кем общается, каких гостей принимает, о чем говорит и т.д. Личная жизнь приобрела недопустимую «прозрачность».

Гражданская война была позади, но, по сути, она вовсе не окончилась, она просто приобрела другие формы и переместилась с просторных полей сражений на тесную площадку коммунальной кухни. Здесь теперь была «линия фронта», здесь воздвигались невидимые «баррикады». Воспринимать это человеку оказывалось в иных случаях куда тяжелее, ибо создавалось ощущение «круглосуточного пребывания» на «фронте». Так происходило повсеместное разрушение Дома как особого психоментального понятия, как сугубо приватного пространства. Теряло смысл привычно-обиходное выражение «Будьте как дома!», доселе означавшее призыв быть предельно искренним и свободным, быть самим собой. В коммуналке человек находился и дома, и в то же время не совсем дома. Дом становился в чем-то мнимой величиной, ибо обитатель коммуналки чувствовал постоянное присутствие «Чужого» в каждодневном быту.

Тот социум, каким являлась совокупность жильцов коммуналки, был по сути дела сколком толпы, случайного собрания совершенно разнородных людей. И отдельный человек мог в одночасье стать жертвой (этаким заложником) толпы, ведь толпа в своем коллективном бессознательном склонна к агрессии и тирании. Лев Толстой справедливо писал: «Что бы ни говорили защитники народного смысла, толпа есть соединение хотя бы и хороших людей, но соприкасающихся только животными, гнусными сторонами, и выражающая только слабости и жестокость человеческой природы» [Энциклопедия мысли, 1994, с. 288]. Окружение в коммуналке – это люди различного социального опыта, из разных социальных слоев с разными моральными нормами и укладами жизни. Нестыковка этих норм и укладов могла вести, да и вела к ссорам и зачастую к непримиримым конфликтам.

Нравы обитателей тесной коммуналки, в которой «на тридцать восемь комнат всего одна уборная», описал В. Высоцкий в своей «Балладе о детстве», а в популярной «Песенке о слухах» поэт подметил еще одну особенность толпы (а к усредненной толпе обитатель коммуналки по психоментальному складу в массе своей и относится) – маниакальную падкость до сплетен («Словно мухи, тут и там, / Ходят слухи по домам»).

В «оттепельные» и в последующие годы, когда началось массовое переселение горожан из коммуналок в отдельные квартиры, именно персональная (а не коммунальная!) кухня становится местом откровенных, порой оппозиционных разговоров и обсуждений. Человек обретал свое пространство относительной свободы. Ему уже не нужно было постоянно ощущать на себе подозрительные и оценивающие взгляды соседей.

Бывают разные тяжелые испытания психологического порядка. Таково, скажем, испытание постоянно присутствующей близкой опасностью (ощущение человека, долго находящегося на войне), таково испытание одиночеством или замкнутым пространством (скажем, камерой-одиночкой). Однако испытанием может стать и принуждение к коммуналности, ведь в этом случае коммуналность усредняет личность, бесцеремонно подчиняет обезличивающему стереотипу – «будь как все».

Если окинуть взором отечественную сатирико-юмористическую литературу XX века, то можно увидеть, что «коммунальное» пространство (кухня в коммуналке, трамвай, магазинная очередь) становятся излюбленной у писателей площадкой комического столкновения персонажей. Так, действие рассказа М. Зощенко «Нервные люди» разворачивается на кухне («А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса»). На таком же бытовом пространстве разворачивается в современном рассказе М. Веллера «Голова» смехотворно-анекдотическая ситуация с незадачливым студентом-медиком, пожелавшим обзавестись настоящим черепом и выварившем ночью на коммунальной кухне притащенную из морга «бесхозную» голову старухи (тут описание обвальная шоковой реакции соседей, выполненное по принципу «комедии ошибок», безусловно, рождает смех). Герои комической прозы 1920-х годов – фельетонов и рассказов М. Булгакова («Жилплощадь на колесах», «Кондуктор и член императорской фамилии»), Е. Замятина («Десятиминутная драма», «Мученики науки»), М. Зощенко («На живца») – действуют на тесном пространстве трамвая или вагона поезда. Ситуация скандала в этих случаях становится яркой характеристической призмой, высвечивающей социально-этические изъяны выводимых персонажей.

Организация в те же годы ранней советской истории различных кооперативов и затем колхозов была тоже формой коммуналности в чисто производственной сфере. Здесь она порой обнаруживала неготовность обычного человека с его частнособственническими инстинктами принять новые «правила игры», работать на какой-то абстрактный коллектив, обучиться новым алгоритмам экономической деятельности. Мы обнаруживаем в литературе выразительный показ того, как декларируемая коллективная ответственность порой оборачивается мнимой величиной – безответственностью. Вот, например, известно выражение «работать не покладая рук», которое имеет, как правило, позитивный смысл. И А. Платонов в повести «Впрок», казалось бы, и изображает именно такую неустанную работу своих героев. Почему же мы, читатели, улыбаемся? Что

обесмысливает картину всеобщей занятости, что заставляет обнаружить во всем этом комический принцип мнимости? Вчитаемся в текст. «(Люди)... ходили во множественном числе по всем местам деревни, щупали разные предметы, подвинчивали гайки на плугах, дельно ссорились и серьезно размышляли. Общим чувством всего населения колхоза была тревога и забота, и колхозники старались уменьшить перед севом рачительной подготовкой. Каждый считал для пользы дела другого дураком и поэтому проверял гайки на плугах только своею собственной рукой» [Платонов, 1989, с. 97]. В этом было немало от детского упрощения. Как известно, Андрей Платонов вводил в свои произведения простодушных носителей такого наивного сознания. Они демонстрируют слепую готовность принимать на веру новые идеи, не очень вдумываясь в их глубинную суть, не соотнося их с другими идеями и совокупным социальным опытом. Вспомним, как Вермо в «Ювенильном море» по-детски мечтает, «не пришла ли пора отойти от ветхих форм животных и завести вместо них социалистические гиганты, вроде бронтозавров, чтобы получать от них по цистерне молока в один удой?» [Платонов, 1987, с. 149].

Не только в научной, но и в отечественной художественной литературе XX века успешно осваивались разнообразные социально-нравственные уроки принудительной коммунальности как в городской жизни (квартиры-коммуналки), так и в сельской повседневности (практика колхозного строительства). Ближе к концу XX века это усвоение велось все больше и больше в иронико-критическом ключе, поскольку любая тотальная принудительность, любое насилие, какими бы благими словами они ни прикрывались, вызывает у мыслящего человека активное отторжение.

Отметим, что никто не ставит под сомнение коммуны как некое самостоятельное социальное явление. Разумеется, есть позитивный смысл в организации коммун различного типа на добровольной основе. Они, такие коммуны, разбросаны по миру и сейчас. И наверняка такая форма человеческого общежития будет в каких-то своих приемлемых (пусть и локальных) вариантах востребована и в дальнейшем. Все дело в наличии реальной свободы осознанного персонального выбора, ни на йоту не допускающего жесткого принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреевский, Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20-30-е годы) / Г.В. Андреевский. – Москва: Молодая гвардия, 2003. – 573 с. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

Горичева, Т. Сиротство в русской литературе / Т. Горичева // Вестник новой литературы. – 1991. – № 3. – С. 227-245.

Ермакова, О. П. Жизнь российского города в лексике 30-40-х годов XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений / О.П. Ермакова. – 2-е изд., испр. И доп. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 192 с.

Митрофанов, А. Г. Повседневная жизнь советской коммуналки / Алексей Митрофанов. – Москва: Молодая гвардия, 2019. – 427 с.

Платонов, А. П. Котлован; Ювенильное море: Повести / А.П. Платонов. – Москва: Художественная литература, 1987. – 192 с.

Платонов, А. П. Возвращение / Предисл. С. Зальгина; Коммент. Н. Корниенко / А.П. Платонов. – Москва: Молодая гвардия, 1989. – 204 с.

Рожков, А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А.Ю.Рожков. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 640 с.

Утехин, И. В. Очерки коммунального быта / И.В. Утехин. – Москва: ОГИ, 2004. – 277 с.

Федосюк, Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю.А. Федосюк. – 17-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 272 с.

Шопенгауэр, А. Афоризмы и максимы / Автор предисловия Ю.В. Петров / А. Шопенгауэр. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 288 с.

Энциклопедия мысли / Составитель, автор предисловия и комментатор Н.Я. Хоромин. – Москва: Русская книга, 1994. – 576 с.

Эпштейн, М. Все эссе: в 2 т. Т.1: В России / М. Эпштейн. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 544 с.

REFERENCES:

Andreevskij, G. V. Povsednevnyaya zhizn' Moskvy v stalinskuyu epohu (20–30-e gody) / G.V. Andreevskij. – Moskva: Molodaya gvardiya, 2003. – 573 s. – (ZHivaya istoriya: Povsednevnyaya zhizn' chelovechestva).

Enciklopediya mysli / Sostavitel', avtor predisloviya i kommentator N.YA. Horomin. – Moskva: Russkaya kniga, 1994. – 576 s.

Epshtejn, M. Vse esse: v 2 t. T.1: V Rossii / M. Epshtejn. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. – 544 s.

Ermakova, O. P. Zhizn' rossijskogo goroda v leksike 30-40-h godov HKH veka: Kratkij tolkovyj slovar' ushedshih i uhodyashchih slov i znachenij / O.P. Ermakova. – 2-e izd., ispr. I dop. – Moskva: FLINTA: Nauka, 2011. – 192 s.

Fedosyuk, YU. A. CHto neponyatno u klassikov, ili Enciklopediya russkogo byta XIX veka / YU.A. Fedosyuk. – 17-e izd., ster. – Moskva: FLINTA: Nauka, 2017. – 272 s.

Goricheva, T. Sirotstvo v russkoj literature / T. Goricheva // Vestnik novoj literatury. – 1991. – № 3. – S. 227–245.

Mitrofanov, A. G. Povsednevnyaya zhizn' sovetskoj kommunalki / Aleksej Mitrofanov. – Moskva: Molodaya gvardiya, 2019. – 427 s.

Platonov, A. P. Kotlovan; YUvenil'noe more: Povesti / A.P. Platonov. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1987. – 192 s.

Platonov, A. P. Vozvrashchenie / Predisl. S. Zalygina; Komment. N. Kornienko / A.P. Platonov. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1989. – 204 s.

Rozhkov, A. YU. V krugu sverstnikov: ZHiznennyj mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov / A.YU.Rozhkov. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 640 s.

SHopengauer, A. Aforizmy i maksimy / Avtor predisloviya YU.V. Petrov / A. SHopengauer. – Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1990. – 288 s.

Utekhin, I. V. Ocherki kommunal'nogo byta / I.V. Utekhin. – Moskva: OGI, 2004. – 277 s.